

Владимир Махин: Вам нужен подъемник?

«Системные проблемы остаются. Первое: в огромном мегаполисе трудно найти людей, занимающихся ремонтом технических средств реабилитации инвалидов. Второе: медико-социальная экспертиза в своих решениях часто исходит не из конкретных нужд инвалидов, а из возможностей бюджета. Жесткая привязка решений МСЭ к перечню ТСР, который утвержден правительством РФ, порождает излишний формализм и множество конфликтов. У меня конкретное предложение. При министерстве социальной защиты создать специализированную справочную службу или постоянно действующую прямую линию, куда можно было бы обратиться по любому самому острому социальному вопросу. Примерно по такому принципу в других регионах уже работают срочные отделения социальной поддержки населения. По себе знаю, они реально помогают. Однако у них не всегда есть полная информация. В этом направлении должны более активно работать и СМИ.

И еще. В Региональном перечне технических средств реабилитации по Курганской области присутствует такая позиция, как подъемник. Поэтому все инвалиды, имеющие проблемы с пересаживанием, могут обратиться в ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ по адресу: КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ, БЕЛОЗЕРСКИЙ РАЙОН, с. БЕЛОЗЕРСКОЕ, ул. СОВЕТСКАЯ, д. 24, тел. 8 (3522) 42-24-06, 46-24-78. Для этого необходимо выбрать удобное для себя приспособление, акцент на отечественного производителя, и обратиться с заявлением с просьбой о закупке именно того, что Вам необходимо. Ссылка: <http://o-savva.ru/stati/otzyivyi/kurganskije-invalidy-mogut-poluchit-podyemnik-dlya-doma-i-avtomobilya-besplatno>. Значит, решение вполне возможно. **Просто нижегородские чиновники предпочитают этой проблемой не заниматься.**

Лариса Андрияшина: Чтобы хотел быть!

Еще с детства мы стали обращаться «Вовка» - «Ларка». Его, четырнадцатилетнего, в 1967-м назвали командиром автозаводской юнкорской дружины. Меня, тринадцатилетнюю, его комиссаром. Так придумал Анатолий Гринес - наш наставник, корреспондент многотиражки Горьковского автозавода «Автозаводец», руководитель литературной студии «Струна». У друзей есть любительские снимки, на которых я качу инвалидную коляску с Вовой Махиным то по проспекту Октября, то по Ильича, то по Кирова - летом, осенью, зимой...

Везти его коляску устанавливалась очередь. «Я вон до того дерева, ты до булочной, а в горку Саня Высоцкий...» Один раз услышав, что Вова переболел полиомиелитом и после этого «обезножил и обеззручил», мы больше не обсуждали тему. В пору нашего детства прошла эпидемия этого

В мартовском номере «ЗЛ» был опубликован материал «Привязан!». Статья вызвала поток читательских вопросов. Предлагаем вам два комментария, отвечающих на некоторые вопросы. Автор одного - герой публикации, инвалид 1 группы, колясочник Владимир Махин, второго - корреспондент «ЗЛ» Лариса Андрияшина.

По-страусиному: голову в песок?

После публикаций жизнь Владимира Махина оживилась. И вот, впервые за десять лет, он попал в театр...

страшного заболевания, и многие знали, что это такое. Мы не чувствовали рядом с Вовой неловкости. Разве что в первый час, когда взгляд вдруг наткнулся на скрытые пальцы и волочащиеся за костылями ноги. Мы воспринимали его как немножко необычного мальчишку, который «что-нибудь придумает».

Не помню, чтобы родители возражали против наших встреч у Вовы Махина дома. Некоторые приходили взглянуть. Но только один раз. И, в основном, мамы девочек. Девочек, кстати сказать, среди его окружения всегда было больше.

Его маму Раису Ивановну все обожали с первой минуты знакомства. Двери дома тети Раи и дяди Вити Махиных открывались без спроса, мы роились у них без выходных и праздников. Когда кончалась заварка, пили кипяток. Что говорить, подростки ненасытны и бесцеремонны. Но я не раз видела взгляд мамы, устремленный на сына-инвалида, случалось, растерянный и испуганный, чаще - испытующий и твердый.

Мы с Володей жили в противоположных концах огромного - 300 тысяч населения - рабочего Автозаводского района, но виделись почти каждый день: в редакции, в Доме культуры школьника, в Доме пионеров на репортажах.

Так было до самого школьного выпускного. Так стало и после.

Я сумела тайком вычитать его сочинение на вступительных экзаменах в Горьковский государственный университет имени Лобачевского. А может, и не тайком - члены комиссии пожалели.

На устной литературе Вова оказался чуть ли не единственным, кто накануне за ночь

успел прочитать «Белый пароход» Айтматова. И этим потряс профессором. Вся абитура с начала вступительных экзаменов знала, что комиссия западает на «Пароход». Но до конца дочитал на нашем потоке Володя, видимо, единственный.

Конкурс был очень приличный. Мы поступили.

До университета надо было ехать через весь город - миллионный Горький. Инвалидную коляску в шесть утра оставляли в автобусном кольце у Дворца культуры ГАЗ. За много лет только однажды ее укатила шпана. Потом вернули. Когда подходил единственный нужный нам «сороковой» автобус, и спешащая к проходным завода толпа бросалась на подножку, я вопила что есть мочи. Рев рвущихся в расхристанные двери на секунду стихал. И пара парней, которых мы заранее выбирали на площади, подхватив Вову под руки и под ноги, взрезались в людские спины. Я приклеивалась сзади. Не было ребят - втаскивала его в салон с какими-нибудь крепкими девочками.

Те несколько шагов, которые отделяли конечную остановку на площади Минина от двери нашего факультета, мы с Володей, бывало, преодолевали за час. Особенно если метель и костыли скользили по наледям. Падали, обдирались, вываливались в снег и грязь.

Приезжали за час-два до занятий, поэтому, случалось, у парадного бесконечно ждали какого-нибудь силача, чтобы подняться по высоченной лестнице на лекционный этаж истфила. Она и сейчас такая, эта лестница. Здесь я девчонок не просила - это вам не рабочий район. Другие люди.

Студенты смотрели на нас с недоумением. Преподаватели отводили глаза. Никто ни о

чем не спрашивал. Только однажды на экзамене по языкознанию старая профессорша, задав мне последний вопрос «на пятерку» - про заковыристую разницу между московской и питерской артикуляцией - и получив неверный ответ, все же поставила «отлично». Я забормотала: «Ведь не ответила...», а она усмехнулась: «Оставляю это на вашей совести. Судя по отношению с другом, она есть».

Работа с автозаводскими юнкорами перешла к Владимиру Махину «по наследству» на последнем курсе университета. Никто кроме него этим делом не заинтересовался: хлопотно, почти бесплатно. Да и не до воспитания подростков всем нам, «неограниченно здоровым», было в юности. Он выпускал с ребятами страничку «Ленинец» в районной газете. Готовил подборки детских материалов в областную «Ленинскую смену». Учениками Махина называют себя десятки профессиональных журналистов, филологов и педагогов - он сорок лет растил юнкором.

В семидесятых предложили делать передачи на радио. Не сюжеты, а целые передачи с материалами разных жанров! В девятидесятых семья Махиных затянула пояса и купила компьютер, потом - оборудование для студии звукозаписи. Получались высококлассные выпуски. Репортажики, интервью, зарисовки с детскими голосами с удовольствием стало брать Нижегородское областное радио.

Материала требовалось все больше. Владимир соглашался на любое предложение опубликоваться - ему хотелось «доказать», работать лучше всех, и у него получалось. Юнкора поехали за репортажами по дальним районам области

- в деревенских газетках начинали свою карьеру друзья, с которыми мы мужали при «Автозаводе».

В транспорт загружались традиционно. Только предпочитали электричкам пригородные автобусы: в них теплее и можно рассчитывать на сочувствие, а значит, на помощь. Помощь нам иногда была жизненно необходима. В подробности здесь вдаваться не буду - не конфетные истории. Случались даже путешествия по России, в Москве записывались на Всесоюзное радио, и всегда в этих поездках был наш командир в инвалидной коляске.

Его личной отваге я поражалась. Соглашаясь на очередную «авантюру», не всегда верила в успех. Вот он буднично сказал: «Решил: буду тоже поступать на истфил». И я застыла с отвалившейся челюстью. Посмотрел победителем: «Меня берут младшим редактором автозаводского районного радио на рабочую пятидневку». И у меня помутилось в глазах. Задумавшись, изрек: «Пора баллотироваться в депутаты райсовета». И я села мимо стула.

Владимир Махин всегда считал, что лучше других отстоит правду. И именно он на протяжении всей своей жизни с высокой трибуны говорил о человеке с инвалидностью как о гражданине. И это в пору, когда еще не придумали или не перенесли в обыденность слова «инклюзия», «доступная среда», «абилитация».

Сегодня они остались вдвоем - 66-летний Владимир и его 92-летняя мама. Мама три года назад сломала шейку бедра. Хрупкое существо, она жива только осознанием: сын без нее погибнет. Так правило и бывает, что лукавить. С миром Владимир в основном общается через Интернет. Посылает статьи, участвует и выигрывает в международных поэтических конкурсах.

Три раза в неделю приносит продукты социальный работник, раз в неделю забегает медсестра. Случается, наезжают волонтеры.

Нет-нет, да и вызываем его по скайпу мы, старые друзья и ученики. В этом году полетели кнопки управления у подъемника, с помощью которого мама поднимает Вову в мешке с кровати в кресло. За кнопками полетит мотор. Где взять тысячи на ремонт? Районная медико-социальная экспертиза отказались внести подъемник в индивидуальную программу реабилитации Махина. Подъемник семья когда-то купила на свои деньги - Федеральным перечнем Технические средства реабилитации инвалидов Махину из крупного положена только коляска.

Подъемник-таки внесли в его программу реабилитации. Хотя исполнителем официально назначили его самого.

Кто будет рядом с Владимиром Махиным завтра? Где будет он сам? Как сделать, чтобы он хотел быть? Так что сломанная кнопка подъемника здесь - одна лишь морщинка на лбу. Уникальность проблемы даже не в уникальной твердости, силе воли и таланте Владимира Махина. А в том, что он, такой как есть, еще долгие годы мог бы быть фантастическим примером оптимизма в наше жесткое время. Если сохранить гармонию пространства вокруг него.